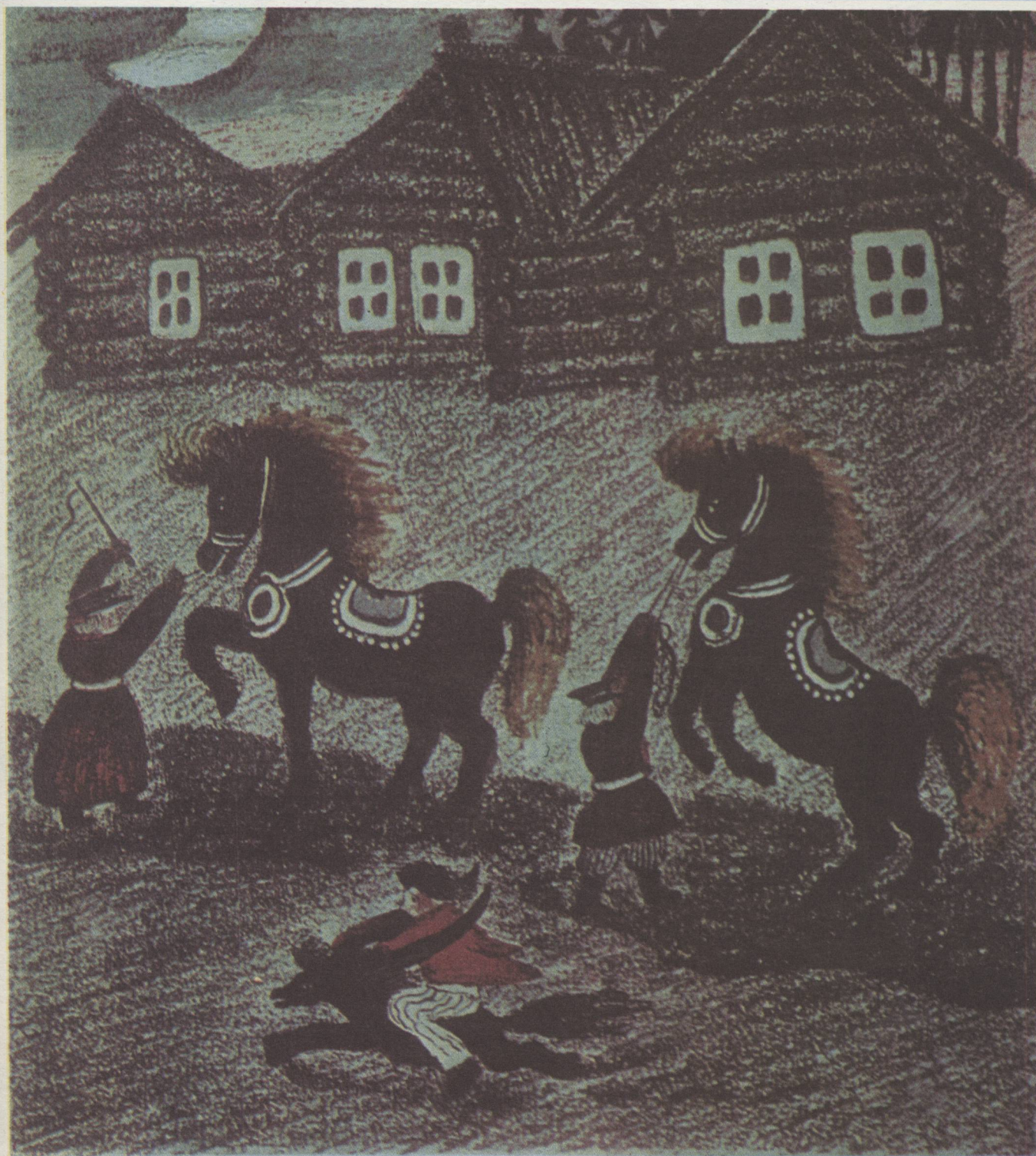

„Устная поэзия
трудового народа...
это бессмертная поэзия,
родоначальница
книжной литературы...“
М. ГОРЬКИЙ

КОСТЁР

12 ДЕКАБРЬ 1979

МЕДВЕЖОНОК ПО ИМЕНИ ПАДДИНГТОН

Майкл БОНД

Рисунки
М. Беломлинского

Если у английского мальчика или у английской девочки спросить, знают ли они медвежонок по имени Паддингтон, они ответят: «Еще бы не знать. Это тот самый медвежонок, которого семья Браун нашла в Лондоне на Паддингтонском вокзале. Он сидел на чемодане с биркой на шее, совсем один во всем Лондоне, где у него не было ни знакомых, ни родственников, потому что он приехал из Перу. Океан он переплыл, скрываясь в спасательной шлюпке, потому что у бедняги не нашлось денег на билет, а он очень хотел повидать свет».

Книжку о медвежонке по имени Паддингтон написал Майкл Бонд, веселый английский детский писатель.

ПАДДИНГТОН И „МАСТЕР СТАРОЙ ШКОЛЫ“

ГЛАВА ИЗ ПОВЕСТИ

Итак, Паддингтон обосновался у Браунов и скоро стал полноправным членом семьи. Никто уже не представлял себе, как можно было без него жить. Медвежонок помогал по дому, и дни его пролетали незаметно. Брауны жили недалеко от улицы Портовая дорога, где находился большой рынок, и часто, когда тетя Гортензия была слишком занята, она разрешала Паддингтону самостоятельно ходить за покупками. Папа даже соорудил для него специальную продуктовую тележку — он приделал к старой корзине колеса и ручку, чтобы ее можно было толкать перед собой.

У Паддингтона был настоящий талант делать покупки, и скоро его уже хорошо знали все продавцы. Он очень серьезно и аккуратно относился к своим покупательским обязанностям. Например, он сначала всегда пробовал кочан капусты на крепость, как учила его тетя Гортензия, чтобы узнать, не вялый ли он. И скоро Паддингтон стал на рынке самым любимым покупателем, так что многие из торговцев припрятавали свои лучшие товары специально для него.

— Медведь приносит самые хорошие продукты и как дешево, — говорила тетя Гортензия. — Уж не знаю, как это у него получается, представления не имею. Не иначе как у него в ходу какие-нибудь не вполне честные фокусы.

— Ничего нечестного, — сказал Паддингтон возмущенно, — я просто выбираю, вот и все.

— Как бы там ни было, — ответила тетя Гортензия, — такие медведи на вес золота.

Паддингтон отнесся к ее словам очень серьезно и долго взвешивался на весах в ванной комнате. В конце концов он решил поговорить обо всем со своим другом господином Раритетом.

Паддингтон часто проводил время за разглядыванием магазинных витрин, а самая интересная была, конечно, в лавке господина Раритета. Во-первых, она была очень низкой, так что в нее можно было заглядывать, не становясь на цыпочки, а во-вторых, там стояла целая гора всяких интересных вещей. Старинная мебель, медали, чашки и вазы, картины — так много всего, что в лавке трудно было повернуться, и старенький господин Раритет обычно сидел на раскладном стуле прямо на тротуаре.

В свою очередь господина Раритета очень заинтересовал Паддингтон, и скоро они стали большими друзьями. Возвращаясь из очередной экспедиции на рынок, Паддингтон часто останавливался у антикварной лавки и беседовал о Южной Америке, где господин Раритет побывал еще совсем маленьким мальчиком.

Ежедневно в 11 часов господин Раритет пил какао с булочкой, и он стал часто приглашать Паддингтона на этот, как он говорил, «мой одиннадцатичасник».

— Нет ничего лучше приятной беседы за чашечкой какао, — любил повторять он, и Паддингтон, которому нравилось и то и другое, был с ним совершенно согласен, несмотря даже на то обстоятельство, что от какао его усы становились какого-то странного цвета.

Паддингтону очень нравились яркие, блестящие вещи, и однажды он показал господину Раритету свои перуанские сентаво. В глубине души он надеялся, что они, может быть, золотые.

Но после долгих размышлений господин Раритет сказал:

— Не все то золото, что блестит, господин Браун. — Он всегда называл Паддингтона «господин Браун» — выходило очень важно.

Господин Раритет посмотрел на медвежонка поверх очков.

— В этом мире, господин Браун, многие вещи не являются в действительности тем, чем кажутся, — сказал он печально.

Паддингтон вздохнул:

— Очень жаль, — сказал он. — Лучше бы они являлись. Это было бы так мило с их стороны.

— Возможно, — сказал господин Раритет таинственно. — Возможно. Но ведь тогда не было бы и приятных неожиданностей, не правда ли?

Он повел Паддингтона в лавку и, предложив сесть, на минуту скрылся. Вернулся он, неся в руках картину, на которой был нарисован корабль. Точнее, полкорабля, потому что на другой половине была дама в большой шляпе.

— Вот посмотрите, — гордо сказал господин Раритет, — вот, что я имел в виду, говоря, что вещи не являются тем, чем кажутся. Я хотел бы услышать ваше мнение об этой картице, господин Браун.

Паддингтон был, конечно, очень рад, что других интересует его мнение, но в то же время он явно был поставлен в тупик.

На картине был нарисован не то корабль, не то дама, и он так и сказал.

— Да, — отозвался господин Раритет удовлетворенно. — Сейчас это именно так. Но погодите, я ее почищу! Я приобрел ее много лет назад — тогда на картине был изображен плывущий корабль. И что вы думаете? Когда я на днях решил почистить ее, краска начала сходить, и я обнаружил внизу еще один живописный слой. — Он огляделся по сторонам и понизил голос. — Это еще никому неизвестно, — прошептал он. — Но я думаю, что нижний слой может оказаться очень ценным. Это, может быть, работа мастера старой школы.

Но видя, что Паддингтон все еще в тупике, он объяснил, что в старые времена, когда художники испытывали материальные затруднения и не могли приобрести холст, они часто рисовали прямо на старых картинах. А иногда оказывалось, что они рисовали на картине таких художников, которые потом становились великими. Но раз на этих картинах что-то нарисовано сверху, никто о них ничего не знает.

— Это все очень сложно, — сказал Паддингтон глубокомысленно.

Господин Раритет еще долго говорил о живописи — это был его любимый конек. Но Паддингтон, который обычно внимательно слушал все, что тот ему рассказывал, сегодня не слушал вовсе. Очень скоро, отказавшись даже от второй чашки какао, медвежонок слез со стула и отправился домой. Когда с ним здоровались, он механически приподнимал шляпу, но на его мордочке сохранялось отсутствующее выражение. Даже исходящий из кондитерской запах свежих булочек не смог привлечь его внимания. У Паддингтона появилась идея.

Придя наконец домой, он забрался наверх — в свою комнату и довольно долго лежал на кровати, задумчиво созерцая потолок. Он лежал так долго, что тетя Гортензия начала волноваться и даже заглянула в комнату, чтобы узнать, все ли в порядке.

— Спасибо, все нормально, — ответил Паддингтон рассеянно. — Просто я думаю.

Тетя Гортензия закрыла дверь и поспешила вниз — рассказать об этом всем остальным. Они восприняли эту новость со смешанным чувством.

— Я не возражаю, если он просто думает, — сказала мама. — Но если он придумывает что-нибудь, тогда беда.

Однако она была так поглощена уборкой, что тут же забыла об этом. Тетя Гортензия тоже была занята — вот как получилось, что они не заметили, как маленький шерстяной клубок скатился в папину кладовку под лестницей. Не видели они и того, как он вышел оттуда с бутылкой растворителя для краски и целой кучей тряпок. Если бы они заметили это, у них была бы основательная причина для беспокойства. А если бы, к тому же, мама видела, что медвежонок на цыпочках зашел в папин кабинет и плотно закрыл за собой дверь, у нее не было бы ни минуты покоя.

Но, к счастью, все были слишком заняты и ничего этого не видели. Еще лучше, что никто не заглянул случайно в кабинет. Потому что Паддингтон устроил там настоящий разгром! Просто все шло не так, как он задумал. Он даже пожалел, что так невнимательно слушал господина Раритета, когда тот рассказывал о чистке картин.

Во-первых, хотя он и вылил на картину полбутылки растворителя, краска вовсе не слезла, а просто пошла пятнами. А во-вторых, в тех немногих местах, где она все-таки сошла, внизу ничего не было. Только белый холст. Паддингтон отошел к стене и оглядел свою работу. Раньше на картине было нарисовано голубое небо и озеро с плавающими по нему лодками. Теперь же она скорее напоминала шторм на море. Лодок больше не было, небо стало грязно-серым, а половина озера просто исчезла.

«Хорошо, что я нашел коробку с красками», — подумал Паддингтон, возвращаясь на место. Он взял кисть и прищурил глаза, как делал настоящий художник, которого Паддингтон однажды видел. Потом он взял палитру, выдавил на нее немного красной краски и размазал ее кисточкой. И, наконец, беспокойно оглянувшись на дверь, он сделал несколько мазков по холсту.

Паддингтон нашел краски в шкафу под лестницей. Целую коробку. Там была и красная, и зеленая, и синяя, и желтая. Так много всяких цветов, что прямо глаза разбегались — какую выбрать?

Медвежонок аккуратно вытер кисточку шляпой и попробовал сделать несколько мазков другого цвета. Это было так интересно, что он решил попробовать все краски, и скоро уже совсем забыл о том, что принимался рисовать картину.

Вышла не совсем картина, а скорее узор из разноцветных черточек, кружков, квадратиков и точек. Паддингтон даже сам удивился, когда, наконец, отошел назад и как следует рассмотрел свою работу. От прежней картины не осталось и следа. Опечаленный медвежонок положил краски обратно в коробку, а картину убрал в футляр для холстов и прислонил его к стене — все как было. Он решил, что исправит картину как-нибудь потом, в другой раз, хотя рисовать ему больше не хотелось. Это, конечно, очень интересно, но только пока рисуешь, а смотреть потом просто противно.

Во время обеда Паддингтон молчал. Он был такой тихий, что мама несколько раз спрашивала,

как он себя чувствует, пока медвежонок вдруг не встал и, тихо извинившись, не ушел к себе наверх.

— Генри, я боюсь, что он нездоров, — сказала мама, когда Паддингтон ушел. — Он даже не прикоснулся к обеду, а это так на него не похоже. И у него на мордочке какие-то подозрительные красные пятна.

— Ого! — сказал Джонатан. — Красные пятна! Может быть, я смогу от него заразиться и тогда не нужно будет ходить в школу!

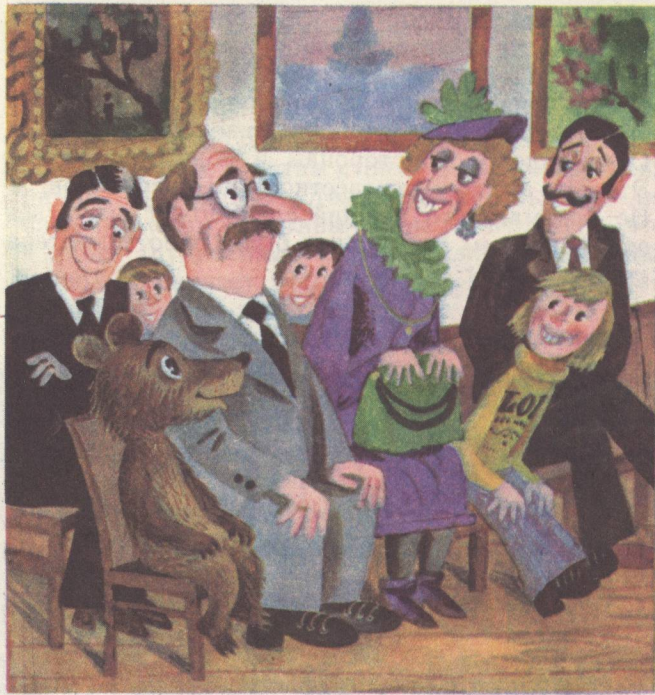
— На нем были еще и зеленые, — сказала Джуди. — Я видела.

— Зеленые? — даже папа забеспокоился. — Может быть, он действительно заболел? Если завтра ему не станет лучше, нужно будет послать за врачом.

— А он так мечтал пойти на выставку самодельных художников, — сказала мама, — так жалко будет держать его в постели.

— А ты, папа, рассчитываешь занять там первое место? — спросил Джонатан.

— В этом случае твой отец удивится первым, — ответила мама, — ведь он ни разу не занимал даже третьего места.

— А что ты нарисовал? — спросила Джуди. — Ты так и не расскажешь?

— Это сюрприз, — сказал папа скромно. — Я долго возился над этой картиной. А рисовал я по памяти.

Живопись была одним из многочисленных папиных увлечений. Каждый год он участвовал в выставке самодельных художников, которая проводилась недалеко от их дома. Жюри состояло из нескольких знаменитых людей, которые при-

суждали призы. Проводилось еще много разных соревнований, и все они были для папы сплошным расстройством, потому что он ни разу не получил даже третьего приза, в то время как мама дважды занимала первое место по вязанию ковриков.

— Все равно, — заключил папа. — Теперь поздно об этом говорить. Сегодня утром я уже сдал картину на обсуждение, а что из этого получится, проживем — увидим.

Следующий день оказался очень солнечным, и выставка была переполнена. Все были рады, что Паддингтон чувствует себя лучше. Пятна совершенно исчезли, а несъеденный вчера обед он прекрасно восполнил двойным завтраком. Только у тети Гортензии появились кое-какие сомнения, когда она обнаружила такие же пятна на полотенце в ванной, но она держала свои мысли при себе.

Брауны заняли середину первого ряда, чтобы лучше видеть жюри. Все очень волновались. То, что папа тоже занимается рисованием, было для Паддингтона полной неожиданностью, и он очень хотел увидеть картину, которую нарисовал его собственный знакомый.

Перед ними на помосте несколько важных бо-

родатых людей о чем-то спорили и размахивали руками. Было видно, что они говорят о какой-то особенной картине.

— Генри, — прошептала мама взволнованно, — мне кажется, они говорят о твоей. Это ведь твой футляр для холстов.

Папа был в недоумении.

— Это, действительно, мой футляр, — сказал он. — Но это как-то странно. Он весь в краске. Разве ты не видишь? Как будто кто-то положил

туда картину, когда краска еще не высохла. Но я-то нарисовал свою давным-давно.

Паддингтон сидел очень тихо, он смотрел прямо перед собой и боялся пошевелиться. Где-то в глубине желудка у него появилось странное щемящее чувство, как будто сейчас должно случиться что-то ужасное. Он даже пожалел, что смыл пятна краски, тогда бы он мог остаться дома, в постели.

Джуди толкнула его локтем.

— Что случилось, Паддингтон? — спросила она. — Ты как-то странно выглядишь. Может быть, ты заболел?

— Нет, я здоров, — тихо ответил Паддингтон, — просто мне кажется, что я опять попал в историю.

— Ой, — сказала Джуди. — Лучше плюнь через левое плечо. Вот так.

Паддингтон сидел, не двигаясь. Один из членов жюри, самый важный и самый бородатый, начал говорить. И тут... у Паддингтона задрожали лапы. На помосте, высоко поднятая, чтобы всем было видно, показалась его картина!

Он был так изумлен, что слышал лишь обрывки того, что говорил председатель жюри.

— Удивительная цветовая гамма...

— Очень интересно...

— Полет воображения!.. Талант...

И вдруг... От удивления медвежонок чуть не упал со стула.

— Первое место завоевал Генри Браун, проживающий по адресу: Виндзорские сады, 32.

Тут пришла очередь удивляться другим. Папа, которого попросили подняться на помост, выглядел так, будто его поразила молния.

— Но... это... — бормотал он. — Тут какая-то ошибка.

— Ошибка? — возразил бородатый. — Чепуха, дорогой господин Браун. На внутренней стороне холста стоит ваше имя. Вы ведь господин Браун, не так ли? Генри Браун.

Не веря своим глазам, папа снова взглянул на картину.

— Действительно, мое имя, — сказал он, — и почерк... — Он не закончил фразы и пристально посмотрел в толпу. Он кое-что начинал замечать, но только ему никак не удавалось поймать взгляд Паддингтона. Это всегда было трудно, когда появлялась такая необходимость.

— Я думаю, — сказал он, когда аплодисменты смолкли, — я думаю, что следует передать приз, который я получу, одному юному медведю, который сидит сейчас среди публики.

Волна удивления прокатилась по залу, и только один Паддингтон не удивился нисколько. Он встал, внимательно разглядывая картину и бородатого председателя жюри, который начал нервничать и покрываться потом.

— Я думаю, — сказал Паддингтон, обращаясь ко всем разом, — что можно было бы не ставить мою картину вверх ногами. Все-таки не каждый день медведь получает первое место в конкурсе на лучшего художника.

Перевела с английского
Е. ПЕРЕХВАЛЬСКАЯ